

[чисто]

У Рябова настроен «Телеграм»,
а дух расстроен.
Я Рябову свой лёгкий дух отдам
и в сердце встрою.

Задышит Рябов часто и светло
И скажет: «Криста!
Я видел как сквозь тусклое стекло,
Теперь – всё чисто».

[потолок]

Какая жизнь пошла тяжёлая,
какая злая суета...
огромным городом изжёвана,
приду домой – слаба, пуста.

Улягусь в ванну разусталая –
плывут над ванной облака.

Вот облако одно растаяло,
и светят звёзды с потолка.

[стишок]

Я напишу тебе стишок
о том, как – раз, два, три –
прекрасен утренний снежок
и ярки фонари,

о том, как хорошо вставать
под музыку рассвета,
о том, как – три, четыре, пять –
я ненавижу это.

[по капле]

Стихи выдавливать по капле,
как кровь из пальца в полусне,
и время изводить пока пле-
врит не смоем по весне, –

о том ли в горле пело утро,
когда, гадая по руке,
я светлые черты маршрута
проглядывала вдалеке,

и выбегала на дорогу,
и чувствовала, как легко
мои босые ноги могут –
и по камням, и над рекой...

О, сколько было этих вёсен,
пока затягивало в дым,
где в обмороке зимних сосен
мои закутало следы.

И кажется: зима навеки,
и в горле блеск её блесны,
и льдинки падают на веки,
и капают под веки сны...

И слышно, когда всё стихает,
как снега сонного бруски
шипят и тают под стихами,
накапавшими из руки.

[штрихи]

Как мало стен в однушке для двоих!
Захочешь быть хоть сколько-то поэтом,
Закроешься, зачнёшь тоскливый стих,
Заходишь ты – за ручкой, за советом –

на пять минут. Проходит два часа.
Тебе звонят, ты куришь на балконе...
И света вечереет полоса,
и щёки упираются в ладони.

Квартплата, власть, фейсбук, электорат,
культура, самиздат, литература...
И сам ты собеседнику не рад,
и падает окурочек на окурочек.

А я уже пролезла две стены,
я съела все конфеты из коробки,
но никакие буквы не видны
на ровно сложенной бумажной стопке.

И никакие не видны стихи
в ближайшем будущем, как равно и в далёком,
и нужно рыбу чистить для уха...

И нет смешнее в мире чепухи,
чем навалить любимому с намёком
вот эти стихотворные штрихи.

[о родине]

Но если всё-таки о Родине,
мигнув Некрасову с Есениным, –
толковее и благороднее,
чем в предыдущем пьянстве песенном,

то я скажу – с тоской, надорванно,
сжимая кулаком волнение, –
скажу: друзья, не надо Родины,
но дайте мне стихотворение.

[пасха]

Над городом – пасхальный перезвон.
У мамы всё готово для обеда,
и я, поднявшись в полдень, к маме еду
и на ходу застёгиваю сон.

Во сне весна и верба за окном,
и на губах победная молитва –
окончена очередная битва,
и поле брани в холоде стальном,

и я как будто ангел в поле том.
Чернеют лица павших в лунном свете
косыми ранами, и раны эти
я исцеляю огненным крестом.

И тот, кто был посланником небес,
и кто на бой из-под земли поднялся –

все, оживая, я могу поклясться,
поют один куплет: Христос воскрес!

Христос воскрес, оплатим за проезд!
Автобус. День. Расстегиваю куртку.
Громоподобный праздничный кондуктор
в конец салона сквозь толпу пролез.

Возьми, кондуктор, деньги и оставь
меня с моими ласковыми снами,
нас всех когда-то дерево познаний
стреножило и выбросило в явь –

с тех пор мы любим спать и сочинять,
и на застольях поднимать бокалы...
Верни, кондуктор, сдачу, что упала,
и расцветёт с тобою благодать.

Скандал. Автобус. Выбираюсь вон.
Обед. Диван. Усталость. Телевизор.
Любовью беспредельною пронизан –
над миром всем – пасхальный перезвон.

[про снег]

– Давай про снег! – Про снег уже давно –
и Пастернак, и Бродский, и Тарковский...
Давай-ка лучше просто пить вино
да провожать прошедшее по-свойски.

Всё было так, как было быть должно,
Скажи «прощай» и поклонись до пола.
Одно – смешно, сто первое – грешно,
авось сойдёт да ангелы отмолят...

Авось вползём в грядущее «прости»,
пролезем, как библейские верблюды
сквозь новый год, как сквозь пасхальный стих,
как сквозь петлю прощенного Иуды.

– Но снег, смотри! – Мне тридцать пятый снег,
что мне смотреть? Что высмотреть в округе,
в которой робко светит мой ночлег,
где я лежу в засаде и в испуге, –

увы, не утолить могильной жажды,
не застелить последнюю постель,
и этот снег берёзовый однажды
нас выбелит из ленты новостей,

и к чёрту этот снег! – Он не про то!
– А мне плевать, про что вся эта вьюга,
я спрячусь в прошлогоднее пальто –
за пазухой у дорогого друга,

и там, тихонько плача и смеясь,
я сохранюсь в каком-нибудь остатке,
в котором не смогу уже пропасть –
а ты мне про какие-то осадки...

– Да я про то, как снег идёт в ночи –
спокойно, тихо, ласково, надёжно,
как в нём блестят оконные лучи,
как насмотреться этим невозможно.